

В.Л. АБУШЕНКО

«КУЛЬТУР-СОЦИОЛОГИЯ»: ВОЗМОЖНОСТЬ ИНОГО ВЗГЛЯДА НА СОЦИАЛЬНУЮ ТЕОРИЮ

В качестве исходной рамки для рассмотрения состояния и положения в социогуманитарном знании современной социальной теории можно принять различие классического, неклассического и постнеклассического знания. В данном случае достаточно ограничиться одним аспектом различения этих этапов развития научного знания, связанным с возникновением в неклассическом и развитием в постнеклассическом знании дихотомии *интернализм — экстернализм* (классическое знание такого различия не знало).

Переход к постнеклассическому знанию характеризовался, в том числе, и снятием обозначенной альтернативы, что имеет, на наш взгляд, непосредственное отношение к судьбам социальной теории на рубеже тысячелетий. Можно попробовать выявить некоторые особенности ее развития в XX в. и, исходя изначально из интерналистских позиций, попытаться показать, как ограничения этого подхода взрывали здание социальной теории изнутри, требуя ее переформатирования в соответствии с требованиями, предъявляемыми постнеклассическим знанием.

Исходя из сказанного, можно сформулировать гипотезу о том, что основные проблемы, с которыми столкнулась социальная теория в последней трети XX в., лежат в области перехода от одной (неклассической) стадии развития знания к другой (постнеклассической), что не отрицает необходимости самостоятельного рассмотрения «внешних», связанных с самим развитием общества, «вызовов» социальному, гуманитарному и философскому знанию (остающихся за рамками предлагаемого анализа).

Констатация

Стало «общим местом» утверждение о кризисе социальной теории в последней трети XX в. Примем его за исходный пункт рассуждений. Можно согласиться с тем, что и в своей «позитивной» («проекты» и «мо-

дели» современного общества), и в своей «критической» (по отношению к реалиям существующего общества) ипостасях социальная теория переживала в это время не лучшие свои времена.

Предвестие грядущих изменений маркируется работой Ч.Р. Миллса «Социологическое воображение» (1959), их же неизбежность – работой А. Гоулднера «Наступающий кризис западной социологии» (1971). Не имея возможности рассмотреть этот вопрос содержательно, ограничимся лишь фиксацией того, что даты выхода основных теоретических работ, претендующих на целостное «позитивное» описание современного общества, лежат в диапазоне конец 60-х – середина 80-х гг. прошлого века¹. Для «критических» версий этот рубеж связан с исчерпанием потенциала Франкфуртской школы критической социальной теории и пролегал в середине 70-х гг. прошлого века.

Критические версии социальной теории в это время активно маргинализируются, «позитивные» – втягиваются во в значительной мере идеологизированные дискурсы информационного и глобального обществ (с их концептами «конца истории», «столкновения цивилизаций», «всемирной деревни» и т.п.)². Происходит и заметное возрождение доктрин традиционалистского типа, также существенно социально-политически ангажированных³.

В значительной мере в философском и социогуманитарном знании доминируют дискурсы постструктуралистско-постмодернистского типа с их пафосом критики оснований европейской цивилизации во всех ее проявлениях⁴. В рассматриваемом контексте важны (как минимум) их установки на конец эпохи «больших нарративов» и «исчезновение социального»⁵.

---

¹ Из последних работ этого периода, задавших принципиально новые перспективы в социальной теории можно назвать, например: *Бурдьё П.* Практический смысл (1980); *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуризации (1984); *Луман Н.* Социальные системы: очерк общей теории (1984); *Турен А.* Возвращение человека действующего (1984); *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия (1981) и др.

² При этом не следует забывать о том, что определенная идеологическая ангажированность присутствовала в социальном знании всегда – но это тема отдельного разговора.

³ Показательно в этом отношении «повторное открытие» изданной еще в 1944 г. работы К. Поляни «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени».

⁴ Позднесоветское же обществоведение пытается в это время оживить мертворожденную доктрину «реального социализма» и/или систематизировать категории исторического материализма.

⁵ По отношению к проблематике «социального» программный характер носит небольшая работа Ж. Бодрийяра «В тени молчаливого большинства, или конец социального» (1982).

Возможный вывод из сказанного: философское и социальное знание сталкивается в это время с такими «внешними вызовами», с которыми не может справиться исходя из прежних своих оснований, что требует их незамедлительного переосмысления хотя бы в отношении соотношения «внутреннего устройства» знания с его встроенностью в реальные социокультурные практики общества. Но тогда параллельно можно констатировать «смерть» (воспользуемся этим постструктуралистским термином) социальной теории в прежнем ее (классически-неклассическом) понимании.

Диагностика ситуации: первый подход

Кризис («классической», «традиционной») социальной теории связан с проблемами, возникшими внутри теоретической социологии. Здесь, на наш взгляд, следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, само возникновение социальной теории в привычном каноническом смысле связано со становлением и развитием социологии как самостоятельной научной дисциплины (но последняя собственно социологическая «большая теория», доминировавшая в социально-научных дискурсах, связана с именем Т. Парсонса). Во-вторых, начало реформативного процесса социальной теории совпадает во многом с ее разтождествлением с социологией и кризисом последней как теоретической дисциплины.

Этот кризис можно проследить по нескольким основаниям. Так, существенно начинает изменяться предметное, проблемное, а, следовательно, и тематическое поле социологии. Как-то сами собой затухают дискуссии о природе «социального», о том, что есть и как возможна «социальная реальность» и т.д. Социологи все больше начинают вести речь о таких, ранее им (во всяком случае, в доминирующих дискурсах) не свойственных, предметностях, как «коммуникативное», «властное», «знаниевое», «знаковое», «ментальное», «историческое». Размываются (если не разрушаются) дисциплинарные границы, происходит активное самопереопределение работающих в поле изучения общества исследователей, выдвигается тезис о «методологической травме» социологов (первым внятно этот тезис артикулировал, пожалуй, П. Штомпка)⁶.

Таким образом, можно зафиксировать, что «кризис» поразил все этажи «устройства» социологического знания — онтологический, методоло-

---

⁶ См. например: *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16. В русскоязычной традиции этот тезис развернут в работе: *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3-12.

гический, дисциплинарно-организационный, эпистемологический. А это, на наш взгляд, опять же связано с необходимостью его перехода на качественно новый – постнеклассический – этап осмысления.

Диагностика ситуации: второй подход

В этот же период, параллельно с потерей социологией относительной монополии в деле построения социальной теории, происходит активное вторжение в поле последней знания экономического и политологического типа (в последнем случае можно говорить также и о теории международных отношений), что лишь частично можно объяснить набирающими обороты дискурсами информатизации и глобализации.

В принципе, к этому времени и внутри социологии вполне окрепли такие направления исследований, как экономическая социология и социология политики. Движение во многом было встречным, но речь идет о доминантах. В этом отношении происходит, скорее, значительная социологизация экономических и политологических дискурсов с постепенным вытеснением из этих полей собственно социологических ракурсов⁷.

Во многом это объясняется внешними вызовами и способностью того или иного знания на них ответить. Так, в 50–60-е гг. прошлого века для понимания сути происходящих изменений стало необходимым переосмыслить проблему современной демократии, в 60–70-е перед социальными учеными встала всерьез задача «схватывания» феноменов, связанных с собственно глобализацией (сначала в экономическом, а затем и политическом измерениях, сейчас к ним добавилось еще и культурно-цивилизационное), в 80–90-е в фокус внимания попали феномены транзитивности. Лучше готовыми к ответу на эти вызовы оказались иные, чем социология, области социального знания. Однако переосмысление названных феноменов и внутри них вело (как и в случае социологии) к необходимости пересмотра самой природы научного знания.

В связи же с судьбами социальной теории необходимо дополнительно отметить, что произошла своеобразная ее «разборка» по разным проблемно-тематическим областям, в результате чего под социальной теорией стали подразумевать существенно различные содержания⁸.

---

⁷ Показательно смещение интереса в эти области в работах Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Э. Гидденса, М. Мафессоли, Ю. Хабермаса и некоторых других социологов.

⁸ Интересную «модель для сборки» предложил в названии своей работы 2002 г. У. Бек: «Власть и противовласть в глобальный век – новая мирополитическая экономия» – «привет» от современной социологической теории.

Симптоматика ситуации

Здесь хотелось бы обозначить принципиальную для рассматриваемой темы позицию: то, что отстраненному наблюдателю (хроникеру и т.д.) может представляться — опознаваться им — как кризис, на самом деле может свидетельствовать о совершенно ином.

Например, в нашем случае, о том, что «внутри» социально-философских дискурсов уже достаточно давно накоплен потенциал, принципиально позволяющий выйти на другой уровень обсуждения затрагиваемой проблемы. Все это — предмет самостоятельного и глубокого анализа. Поэтому в данном случае опять ограничимся всего лишь одним из симптомов, позволяющем, пусть и гипотетически, говорить о том, что за рассматриваемый период произошло значительное переформатирование проблематики и тематики возможной «новой» социальной теории.

Можно в этой связи рассмотреть слой принципиально иных (что не означает, что они ранее в философских и социально-научных дискурсах не встречались) концептов, которые определяют в настоящее время горизонт современного теоретического анализа.

Во-первых, это понятия, имеющие непосредственное отношение к пониманию «природы» современного (постнеклассического) знания: «воображение» («социологическое воображение» Ч.Р. Миллса, «созидательное воображение» Р. Ингардена, «воображаемые сообщества» Б. Андерсона и П. Чаттерреджи, «воображаемое установление общества» К. Касториадиса и др.) и «рефлексия» (Ю. Хабермас, Э. Гидденс, П. Бурдьё, Р. Коллинз и др.).

Во-вторых, это понятия, принципиально задающие иные рамки социального знания: «потребление», «власть-собственность», «реципрокность», «власть» (в постнеклассических ее трактовках), «социальное пространство-время» (принципиальные понятия уже для неклассического знания, но в таком понимании почти не усвоенные социальной мыслью), «событие», «агент» (актер, актер и т.д. на «месте» личности-субъекта) и т.д.

В-третьих, пересмотр самих базовых для научного знания категорий «знания» и «дисциплины». В этом смысле обращает на себя отсутствие в этом ряду привычных для «старой» социальной теории понятий типа: «социальность», «субъект», «класс» и т.д.

Поиск «места сборки»

Если обратиться к анализу «новых» концептов, попадающих в поле социальной рефлексии или воображения, то нетрудно заметить, что большинство из них имеют отношение к «символической» и «знаниево-зна-

ковой» сфере бытия социума, т.е. непосредственно отсылают не столько к социуму, сколько к культуре.

Если же взять, например, такой концепт, как «власть», вроде бы стоящий от выше обозначенных концептов «в стороне», то и здесь обнаруживается, что речь идет о «власти» в непривычном для теоретиков «классической» социальной теории понимании: «власть-знание» (М. Фуко), «власть номинаций» (П. Бурдьё), «власть симулякров» (Ж. Бодрийяр) и т.п. Как писал тот же П. Бурдьё (в приближенном к оригиналу изложении): государство — не там, где мы его ищем и куда оно нам само указывает; оно там, где мы конструируем и понимаем мир посредством категорий, вложенных в нас образованием.

Таким образом, представляется, что полем «сборки» новой социальной теории может стать именно дискурс о культуре, в котором знание о социуме не только производится, но и используется. При этом культура задает предельную рамку для построения современной социальной теории двояким образом. Она санкционирует предметно организованные онтологии и практики, и она же легитимирует возможный и приемлемый тип знания о них.

Основная проблема лежит в преодолении «зазора» между «социальным» и «культурным»⁹. До недавнего времени возможность совмещения их анализа в рамках одного типа дискурса или не осознавалась вовсе, или в достаточной мере не рефлексировалась. Истоки этого лежат еще в принятом и периодически оспариваемом разделении научного знания на «науки о природе» и «науки о культуре» («науки о духе» в другой редакции). Даже если эта оппозиция не артикулировалась, она неизменно присутствовала в качестве «фона» при разработке различных исследовательских программ в социальном знании, которое можно было строить и по одной, и по другой модели. В этом же ключе (но иной плоскости) может быть рассмотрена и дилемма «интернализм — экстернализм».

Классическое знание накладывало на поиски такого рода табу. Неклассическое работало в режиме поиска синтеза «по умолчанию», т.е. критическая реконструкция позволяет обнаружить проработывавшиеся в его рамках версии (например, «социокультурную динамику» П. Сорокина). Одна из совершенно недооцененных и не проанализированных в названной перспективе возможностей — *социология культуры*. В самом названии этой дисциплины уже содержится претензия на некое совмещение «социального» и «культурного». Насколько она обоснована — предмет отдельного анализа.

---

⁹ В этой перспективе антиномии неклассического социального знания типа структура-действие, порядок-изменение, микро-макро уровни анализа и т.д. носят вторичный характер.

Культур-социология как «иная» социальная теория

Для начала необходимо развести два совершенно различных содержания скрывающихся за привычным употреблением термина «социология культуры».

Традиционно в соответствии со сложившимся в русскоязычной традиции пониманием структуры социологического знания под социологией культуры подразумевается специальная социологическая теория (отрасль социологического знания), сфокусированная на исследовании проблем духовной жизни общества¹⁰.

В нашем же случае речь идет о специфической парадигмальной области социологического знания, исследующей культуру, ее феномены и динамику концептуальными и методологическими средствами социологии с целью установления зависимостей между ними и социумом, его феноменами и динамикой. Во избежание терминологической путаницы, ведущей к подмене содержаний, введем для обозначения этой исследовательской позиции термин «культур-социология».

При всей общности интенций обозначенных выше позиций, они представляют собой две различные версии социологического подхода к изучению культуры.

В первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры на уровне теории среднего уровня (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистемы (культура труда, быта и т.д., политическая, экономическая и т.д. культура) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезах, т.е. как особой предметности социологического изучения.

Во втором же случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами на *метатеоретическом* уровне анализа, а тем самым культур-социология претендует на статус фундаментального знания об обществе, в котором само социальное начинает пониматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного, а, следовательно, — не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для традиционной трактовки социологии культуры), сколько, наоборот, социум становится «производным» от культуры. Несколько огрубляя обо-

---

¹⁰ Вопрос о том, насколько это возможно, остается открытым и является предметом постоянной критики с инодисциплинарных позиций, прежде всего с позиций культурологических дискурсов, справедливо указывающих на то, что в данном случае анализу подвергаются в лучшем случае инфраструктура культуры и некоторые социальные практики тех или иных социальных субъектов — не более.

значенную дилемму, в данном случае можно было бы сказать: «Какова культура, таков и социум», а не: «Каков социум, такова и его культура»¹¹.

Установки культур-социологии находятся в значительном «видимом» противоречии с исходными установками классической социальной теории и конституирующем принципом социологизма – объяснять социальное социальным. Действительно, социология не полагала культуру и ее феномены предметом своего анализа и специального интереса.

Однако это верно лишь отчасти. Ведь само «социальное» «культурно» – это две стороны одной и той же медали. Не случайно в неклассической социальной теории получили повсеместное хождение содержательно осмысленные термины «социокультурная реальность», «социокультурные феномены», «социокультурная динамика» и т.д. Социальное культурно оформлено, нормировано, осмысленно, несет в себе ценностные, символические и т.д. составляющие. Оно непонимаемо и необъяснимо (во всяком случае адекватно) без учета своей культурной составляющей. Поэтому-то обозначенное выше противоречие «мнимое» – достаточно вспомнить трактовку социального факта Э. Дюркгеймом, или анализ ценностных оснований современного общества М. Вебером, или ответ Г. Зиммеля на им же сформулированный вопрос о том, как возможно общество¹².

Однако эти исходно содержащиеся в социологическом проекте интенции почти не учитываются в научном социогуманитарном сообществе. Не стали, к сожалению, они предметом должного внимания и в самом социологическом знании. Скорее всего, потому, что уж очень они не вписываются в привычное представление о сути, предназначении и возможностях социологии. Более того, они настоятельно требуют иной реконструкции становления и развития самой этой дисциплины, обнаруживают разные возможные линии в ее развитии. В этом смысле и возможно говорить о культур-социологии как «иной социологии», которая имеет достаточно большой эвристический потенциал и наработки по «сборке» в рамках одного дискурса «социального» и «культурного».

Речь никоим образом не идет об «обнаружении» некоего иного универсального основания для продуцирования социальной теории «нового поколения», тем более о том, что в культур-социологии предложены уже готовые ответы, которые достаточно лишь услышать. Скорее, можно го-

---

¹¹ Крайнюю (редукционистскую) концептуализацию данного тезиса в социологической литературе опознают как культурный детерминизм.

¹² Другое дело, что все содержание культуры не исчерпывается социальностью, оно имеет и знаковую ипостась своего существования, предполагает и экзистенциальное измерение, что было вполне осознано в постнеклассической социологии и стало особой темой ее рассмотрения.

ворить о наличии в современном социальном знании рамочной конструкции, позволяющей производить «работы» по комплексированию разнодисциплинарного знания в поисках такой теории, и о критической рефлексии (до сих пор в достаточной мере не проведенной) под этим углом зрения наработок собственно культур-социологии.

В этом отношении термин «культур-социология», возможно, — не более, чем дань уважения прошлому и настоящему автора (имеющему отношение прежде всего к разработке этой версии социологии), и может быть заменен другим — более удачным. Принципиально важно зафиксировать саму позицию: именно в поле определенным образом понимаемой социологии возможно схождение различных позиций: как в силу использования другими дисциплинами «социологизированного» языка, так и в силу того, что в фокусе внимания социальной теории по-прежнему остается социум (общество), даже если, как в данном случае, ключ к его пониманию видится в теории культуры.

Таким образом, в рамках культур-социологии появилась реальная возможность синтеза социальной теории и теории культуры.

Становление культур-социологии: ответ на инодисциплинарные вызовы классической социологии

С одной стороны, культур-социология обнаруживает свои истоки в самом проекте социологии как дисциплинарном научном знании о современном (индустриальном, в более поздней интерпретации — модернистском) обществе, противопоставляемом обществам традиционного и архаического типов¹³. С другой стороны, ее возникновение было инспирировано в значительной мере теми проблемами, которые возникли и обсуждались в европейской (главным образом немецкоязычной) философии того времени и были связаны прежде всего с рефлексией кризиса классической философии и поисками выхода из него, а тем самым исходно не вписывались в уже заявленную социологией проблематику¹⁴.

Поэтому значительную часть предпосылок возникновения культур-социологии следует искать во многом не в социологии, а за ее пределами — в общем контексте «слома эпох» и в рефлексировавшей его философии, переопределявшей себя в том числе и как культур-философию. Встал вопрос о том, сможет ли социология предложить адекватные ситуации

---

¹³ В марксистской терминологии — знании о трансформации (революционном преобразовании) капиталистического (буржуазного) общества.

¹⁴ Хотя само появление социологии как таковой можно рассматривать и как реакцию на «кризис европейского сознания».

ответы на возникшие вопросы и достойно ответить на обоснованную критику в свой адрес.

Тематика и проблематика философии культуры была адекватно обозначена в Марбургской школе неокантианства Г. Когеном, а затем развита и конституирована как специфическая философская дисциплинарность Э. Кассирером (фактически уже за рамками неокантианства). Однако сам термин «Kulturphilosophie» (по аналогии с которым и предлагается термин «культур-социология» — от Kultursoziologie), впервые встречающийся уже у представителя немецкого романтизма А. Мюллера, был введен в широкий оборот неокантианцами Баденской школы (В. Виндельбаном и Г. Риккертом) для обозначения всей линии критического (трансцендентального) идеализма, идущей от И. Канта. В их понимании, выходя в область универсального, интеллектуальная мысль неизбежно приходит к самоопределению себя в терминах культур-философской рефлексии (философия и есть философия культуры, и, наоборот, — философия культуры и есть философия).

Данная проблематика обозначила переход от классических к неклассическим типам философских и научных дискурсов, а философия культуры и культур-социология выступили инструментами конституирования самих неклассических типов философии и науки. Наиболее четко артикулировал суть этого сдвига в европейском мышлении в своей работе «Воля к власти» Ф. Ницше, предложивший вместо «социологии» — «учение о формах и образах господства», «вместо «общества» — «культурный комплекс как предмет моего главного интереса (как бы некоторое целое, соотносительное в своих частях)»¹⁵.

Таким образом, можно выдвинуть тезис о связи комплекса установок культур-социологии (в их генезисе) с неклассическим этапом в развитии, но уже не только социологии, но и философии. Доминирование же культур-социологии в социологических дискурсах в целом начинается с переходом к этапу постнеклассического знания.

Истоки и развитие культур-социологии неразрывно связываются с традициями понимающей (позже — интерпретативной) социологии как иного по отношению к линии Э. Дюркгейма социологического проекта¹⁶. Соответственно М. Вебер (с его идеей «социологии как эмпирической

---

¹⁵ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки ценностей. М., 1994. С. 215.

¹⁶ В то же время необходимо отметить, что версия понимания М. Вебера оппонировала критике социологии В. Дильтеем, утверждавшим ее неспособность справиться с изучением сложных форм социальной жизни на уровне их пронизанности культурными и личностными смыслами.

науки о культуре» и концепцией рационализации – «формальной рациональности» как основания современного типа социальности) и Г. Зиммель (с его концепцией динамического соотношения культурных форм и жизненных процессов, порождающего мир социального) считаются (особенно после веберовского и зиммелевского «ренессансов» в 70-е и 80-е гг. прошлого века) бесспорными основателями культур-социологии.

Иной ответ на возникшие вопросы давал зарождавшийся неомарксизм – еще один источник конституирования культур-социологии. Более того, собственно и само представление о специфике социологического изучения культуры и сам соответствующий термин были впервые введены в научный оборот в рамках австромарксизма М. Адлером. Последний видел задачи культур-социологии в изучении социальных факторов становления, функционирования и развития культурных феноменов (прежде всего ценностей и соответствующих им норм), рассматриваемых, в свою очередь, в аспекте их определяющего воздействия на социум и социальные взаимодействия людей.

Из неомарксизма (исходно же из критики идеологий как ложных форм сознания, имеющих социально-классовые детерминанты в социуме, и тотальной критики капитализма как особого типа общества и общественно-экономической формации К. Маркса) берет начало одна из линий критики культуры как критики общества. Особую роль в этом отношении сыграла публикация в первой трети XX в. так называемых «ранних» работ Маркса, анализирующих феномены отчуждения, антропологическую проблематику, специфику регионального развития.

Линию «критики культуры» (с разных концептуальных и методологических позиций и в разных пограничных дисциплинарностях, но с присутствием в той или иной мере импульсов, исходящих из неомарксизма) в неклассической социологии продолжили работы К. Мангейма, представителей «критической социальной теории» Франкфуртской школы, альтернативной (леворадикальной) социологии.

Для рассматриваемого вопроса о недооцененных возможностях культур-социологии для конструирования современной социальной теории здесь принципиально важны несколько моментов:

1) она исходно «не вмещалась» в один дисциплинарный проект, многие ее методологические и эпистемологические основания лежат в области философии, с которой культур-социология изначально активно взаимодействовала и находила взаимопонимание¹⁷;

---

¹⁷ В отличие от классического социологического проекта, заявлявшего как альтернатива философскому знанию.

2) в ней исходно наметились «позитивная» и «критическая» линии построения, в силу чего она достаточно адекватно может быть соотнесена с аналогичными линиями развития социальной теории;

3) она исходно строилась в проблемном поле неклассического знания, что позволило снять целый ряд методологических и эпистемологических проблем, с которыми столкнулась классическая социология (да и не только она одна);

4) в ней исходно присутствовала установка на рефлексии культуры, а соответственно и оснований развертывания социальных практик.

Возможности культур-социологии по комплексированию интердисциплинарного знания

Принципиально важным для развития культур-социологии явилось конституирование социологии знания как области метатеоретических исследований. В частности, внутри нее были поставлены и разрабатывались тематизмы знания в культуре и знания о культуре, проблематика знаниевых (затем и языковых) способов описания и действия в культуре, конструктивно-конституирующей (структурирующей) роли вырабатываемого в культуре знания в генезисе и воспроизводстве социальности, многообразия возможных в культуре логик и технологий (рациональностей) действия и их социальной эффективности.

Фактически данная проблематика латентно присутствовала в культур-социологии изначально. Достаточно сослаться на концепции понимания и «идеальных типов» как способа схватывания многообразия социокультурных феноменов М. Вебера. Однако собственно прародителем социологии знания считается М. Шелер, у которого она в значительной мере стимулировалась решением задач его аксиологии (т.е. была связана с той же культурной проблематикой).

Эта же связка культур-социологии и социологии знания прослеживается и у другого основателя последней – К. Манхейма. Полностью прозрачной она становится в феноменологической традиции культур-социологии и социологии знания, начиная с А. Шюца, введшего новую предметность социологических анализов – мир повседневности, но прежде всего у П. Бергера и Т. Лукмана в их совместной работе «Социальное конструирование реальности» (1966). В современной постнеклассической социологии подходы культур-социологии и социологии знания во многом оказались не только близки, но и взаимно предполагают друг друга¹⁸.

---

¹⁸ Показательно в этом отношении предпочтительное употребление Р. Коллинзом выражения «производство культуры» вместо термина «социология знания».

Еще одна принципиально важная для понимания специфики подхода культур-социологии связка образовалась между социологическим исследованием культуры и антропологической проблематикой. Особое значение она приобрела с конституированием первоначально в немецкоязычной традиции философской антропологии, у истоков которой стоял опять же М. Шелер, а также Э. Кассирер позднего этапа его творчества. Многие представители этого направления одновременно работали и в философии, и в социологии (Х. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, Х. Шельски), ориентируясь на исследование возможных осознанных и критически рефлекслируемых структур человеческого опыта.

Культур-социологический анализ дополняется в комплексировании с философской антропологией требованием снятия присущих европейскому сознанию дихотомий (прежде всего разделения человека на субъект и объект познания, на тело и душу) и попыткой построить целостное и синтетическое (вне дихотомии естествознание – гуманитаристика) знание о человеке в мире «естественной искусственности», «опосредованной непосредственности» и «утопического местоположения»¹⁹.

Отвлекаясь от некоторых других влияний и версий культур-социологии, принципиально важно отметить ее столкновение с корпусом структуралистских установок и идей, ориентированных на выявление безличностных (анонимных) социальных и, прежде всего, культурных инвариантных структур (устойчивых к изменениям отношений между элементами целого), а затем и постструктурализма, выступившего под лозунгами тотальной критики культуры как таковой и дезавуирования идеи человека как идеологической иллюзии.

Размывание исходно заявленной оппозиционности структуралистских дискурсов по отношению к социологическому знанию началось с акцентирования рядом авторов-структуралистов социально-политических и культурно-исторических контекстов продуцирования смыслов, знаково закрепляемых в текстах, и в этом смысле автономизированных от порождающих их контекстов. Со своей стороны, культур-социология, все больше переплетаясь с социологией знания и обратившись к проблематике исследования языковых реалий, также стала размывать границу между социальной (социокультурной) и знаковой («закрепляющей культуру») реальностями. Было отрефлексировано то обстоятельство

---

¹⁹ Показательно и то, что поздняя философская антропология (прежде всего в лице Х. Шельски) приходит к критике самого социологического проекта и необходимости очередного переоснования социологии через обращение к социокультурным условиям, делающим возможным социологическое мышление.

во, что неосознаваемые на уровне социальных взаимодействий акторов «глубинные структуры отношений» и определяют, собственно, суть социокультурной действительности, репрезентируемой через знаково-языковые и знаниевые средства и выступающей, следовательно, в значительной мере как «квазизнаковая реальность». В свою очередь, знаково-языковые и знаниевые целостности открыты к воспринимающим их контекстам, производящим их селекцию и задающим им ту или иную интерпретацию (а тем самым производящим и их «натурализацию»).

Весь обозначенный круг идей вел к выдвиганию в структурных и семиотических анализах на первый план «неструктурного» в структуре и «нетекстового» в тексте, что и способствовало «размыканию» исследуемой проблематики и тематики в широкие и многомерные социокультурные контексты, критике структуралистской методологии с позиций постструктурализма, а главное – фиксировало переход к постнеклассическому периоду в европейском культурном и интеллектуальном развитии.

Показателен и факт попытки институционализации культур-социологического подхода, предпринятый в 70-е гг. XX в. рядом немецких авторов (Ф.Х. Тенбрук, Х.-П. Турн, Й. Вайс и некоторые другие) на основе преодоления междисциплинарных границ и синтеза различных парадигмальных ориентаций в самой социологии (социологии знания, философской антропологии, феноменологии, веберовской и зиммелевской традиций, идей Манхейма и Н. Элиаса), но с сохранением оппонирования теоретико-методологическим установкам англоязычной культурной (и социальной) антропологии. Данная школа ориентировалась на выявление значения целостных смысловых конструкций, определяющих стратегии социального действия, на конституирование феноменов социального, рассмотренные в длительной исторической ретроспективе.

Для обозначения таких комплексов Ф.Х. Тенбрук ввел представление о репрезентативной культуре, т.е. такой культуре, которая производит идеи, ценности, значения, которые действительны для существующего социального сообщества в силу их фактического признания, что и конституирует эти сообщества (социум является в культуре). Отсюда задача культур-социологии для круга авторов этой школы – установление и истолкование (интерпретация) целостных смысловых комплексов репрезентативной культуры²⁰.

Таким образом, можно отметить, что культур-социология в ходе своего развития обнаружила способность к взаимодействию с предметно

---

²⁰ Особое внимание в этой перспективе они уделяли исследованию религии и искусства (снямая тем самым и границы между культур-социологией и социологиями религии и искусства).

иначе ориентированными типами знания, что принципиально важно при оценке ее возможностей в качестве рамочной конструкции для продуцирования современной социальной теории. Так, она оказалась:

- 1) вполне совместимой с антропологическими философско-социологическими дискурсами;
- 2) способной в некоторых отношениях выйти за рамки социокультурной реальности в знаковую реальность;
- 3) способной обосновать претензию на метатеоретический статус в социальном знании;
- 4) способной на метауровне построить взаимодействие с социологией знания;
- 5) репрезентативной по отношению к постнеклассическому знанию.

Возможности культур-социологии по построению «дискурсов о социуме» и «дискурсов о культуре»

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно констатировать (вслед за Л.Г. Иониным), что попадание культуры в фокус социологического внимания стало свидетельством наступления новой эпохи для социологии, когда «культура постепенно становится для социологов главным инструментом объяснения текущих социальных трансформаций», а «самые замечательные социологические концепции, появившиеся в последние десятилетия ... являются по существу развернутыми версиями социологии культуры» (в принятой в статье терминологии – культур-социологии)²¹.

Более того, данный сдвиг в социологии (истоки которого лежат в самом возникновении проекта культур-социологии) синхронизируется в настоящее время с общим поворотом постнеклассического знания на: (1) исследование и/или критику европейской культуры; (2) снятие междисциплинарных границ между разными формами знания и дисциплинарностями как порожденными, функционирующими и развивающимися именно внутри определенной культурной целостности (т.е. как обусловленными, хотя и по-разному, этой культурой); (3) выявление позиции самого что-либо утверждающего о культуре субъекта внутри этой культуры. Для современного философского и социогуманитарного знания ничто не может быть адекватно постигнуто (познано) вне тех культурных контекстов, к которым оно имеет (или имело) отношение.

По сути, постнеклассическое знание (культур-социология в том числе) переходит на уровень мультидисциплинарных и трансдисципли-

---

²¹ *Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 260.*

линарных анализов культуры, что принципиально переводит изучение последней, ее феноменов и динамики в метатеоретическую плоскость и ориентирует на решение задач стратегического характера, требующих соответствующего проектирования и программирования социальных практик в их нацеленности на конституирование «сегодня» будущих состояний социума.

Что же касается собственно культур-социологии в современном знании, то она, обозначает, скорее, определенный тип постнеклассического «социологизирования», «метатеоретический социологический подход» в анализе культуры, чем являет собой некую дисциплинарную и/или парадигмальную целостность, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки ее институционализации как социологической школы (тем же Ф.Х. Тенбруком) и/или особой социологической теории. О ее единстве можно говорить лишь в аспекте удержания социологической рамки при исследовании культуры, задающей в самом общем виде ее предметное поле как продуцирование знания о человеке, социально действующем в своей культуре (на основании различного знания о ней), и для социально действующего в своей культуре человека (выходя, в конечном итоге, на социо-гуманитарные технологии такого действия).

«Внутри» же этой рамки культур-социология может предложить различные версии оформления продуцируемого ею знания в зависимости от тех методологических и концептуальных оснований, которые кладутся конкретными авторами в ее основание. Так, культуру с культур-социологических позиций можно рассматривать как минимум в предметной, ценностной, символической, текстовой, деятельностной, технологической, игровой, коммуникационной, субъектной и организационной перспективах, порождающих соответствующие концептуализации и теоретические разработки.

Ни одна из них не может претендовать на универсальное (в смысле всеобщности охвата содержания) видение культуры, но каждая из них является универсальной в смысле анализа такого среза культуры, который позволяет схватывать ее как целостность, обеспечивающую воспроизводство, функционирование и развитие социума и всех его компонентов, начиная с личностного и заканчивая глобальным уровнем его организованности.

Но тем самым потенциал, накопленный культур-социологией, вполне может быть продуктивно использован и для решения задач, выходящих за ее собственные границы, а именно для прояснения вопроса о том, как возможно знание об обществе, а вместе с тем и сама современная социальная теория.